

В. Э. ВАЦУРО НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ А. А. ПЕРОВСКОГО О «РУСЛАНЕ И ЛЮДМИЛЕ»

В «журнальной войне», возникшей с первым появлением «Руслана и Людмилы», особое место принадлежит статьям А. А. Перовского. Естествоиспытатель, историк и филолог, один из основателей Общества любителей российской словесности, он по своим личным и литературным симпатиям всецело принадлежал к кругу друзей и единомышленников Пушкина.¹ Антикритики Перовского — отражение литературной позиции старших арзамасцев (в первую очередь П. А. Вяземского и А. И. Тургенева) — были высоко оценены самим Пушкиным.²

Первое журнальное выступление Перовского было, как известно, направлено против печально знаменитой статьи А. Ф. Воейкова о «Руслане и Людмиле».³ В полном соответствии с мнением Вяземского и А. Тургенева Перовский высмеивает критику Воейкова как образец педантической привязчивости, в то же время отрицая и самые принципы классической поэтики, от которых отправлялся Воейков. Ответ на антикритику не замедлил появиться. Он был озаглавлен «Скромный ответ на нескромное замечание г. К-ва»,⁴ подписан «М. К-в» и, возможно, также принадлежал Воейкову.⁵

Вторая антикритика Перовского в печати не появилась. Однако он намеревался продолжить полемику. Об этом свидетельствует его неопубликованная статья, хранящаяся в Центральном гос. историческом архиве (Ленинград), в фонде Перовских.⁶ Она называется «Ответ на скромный ответ г-на М. К-ва». Основанием к ее датировке может служить письмо А. Тургенева к Вяземскому от 28 октября 1820 г., где он сообщает: «Мои чиновники: Воейков и Алексей Перовский батально ругаются за Пушкина. Третий (М. К-в, — В. В.) вступился за Воейкова и написал вместо антикритики послужной его список <...>. Сегодня противники помирились и обнялись».⁷ Вероятно, статья была написана в промежутке между 23 октября (дата выхода № 43 «Сына отечества») и 28 октября 1820 г.; примирение помешало опубликованию.

В своей второй антикритике Перовский вынужден, защищая Пушкина, защищаться и сам; совершенно естественно, что значительная часть его статьи — повторение и развитие уже высказанных им однажды положений. Однако она содержит и некоторые новые данные для исследования литературной борьбы вокруг пушкинской поэмы. Дело в том, что с появлением «Скромного ответа...» полемика вступила в новую фазу и приобрела почти памфлетный

¹ См. подробное изложение хода полемики и анализ позиций участников в кн.: Б. Томашевский. Пушкин, кн. 1. Изд. АН СССР, М.-Л., 1956, стр. 340-356.

² См. письмо Пушкина к Н. И. Гнедичу от 4 декабря 1820 г. и предисловие к 2-му изданию «Руслана и Людмилы» (Акад., XIII, 21; IV, 282).

³ В. <А. Воейков>. Разбор поэмы «Руслан и Людмила». Сочинение Александра Пушкина. «Сын отечества», 1820, ч. 64, №№ 34-37; М. К-в <А. Перовский>. Замечания на разбор поэмы «Руслан и Людмила», напечатанный в 34, 35, 36 и 37 книжках «Сына отечества» (Письмо к издателю). Там же, ч. 65, № 42, стр. 72-86.

⁴ «Сын отечества», 1820, ч. 65, № 43, стр. 112-121.

⁵ См.: Д. Д. Благой. «Руслан и Людмила» Пушкина. «Ученые записки Московского государственного университета», вып. 127, Труды кафедры русской литературы, кн. 3, 1948, стр. 49.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1021, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 24-27. Статья — черновик с большим количеством поправок и вставками на полях; сохранилась среди черновых рукописей литературных и критических произведений 1820-1830 гг.; из них укажем на неопубликованное письмо издателю «Вестника Европы» с критикой помещаемых в журнале «мыслей, правил и характеров». Окончание статьи записано на листе бумаги иного цвета (зеленоватого) теми же чернилами и вложено отдельно от начала (л. 8). Не дописанные Перовским цитаты из «Скромного ответа на нескромное замечание г. К-ва» восстанавливаются по тексту «Сына отечества».

⁷ Остафьевский архив кн. Вяземских, т. II. СПб., 1899, стр. 95.

характер: «М. К-в» по существу раскрыл авторство Воейкова, апеллировал к его ученым заслугам и сослался на авторитет И. И. Дмитриева, осудившего «Руслана и Людмилу». Тем самым в представлении читателей частное выступление анонимного журнального рецензента получало значение приговора, вынесенного наиболее компетентными судьями литературного мира. Делая попытку дезавуировать критику, Перовский выражает ироническое удивление по поводу несоответствия внушительного «послужного списка» своего противника и его недостаточной «опытности, учености и учтивости» и вновь исчисляет отмеченные им ранее промахи и ошибки Воейкова. Он пользуется случаем уличить Воейкова и в прямом невежестве — незнании широко известных картин Корреджио (это, как известно, заметил и Пушкин).⁸

Отрицая самые принципы классической поэтики, иронизируя над «плодовитостью» разборов Лагарпа, Перовский тем не менее не отождествляет Воейкова с его литературными учителями, а создает в своей статье почти карикатурный облик эпигона-«классика», педантичного и невежественного ревнителя догматических правил, «зоила», хорошо знакомого читателю по многочисленным памфлетам и эпиграммам карамзинистской ориентации. Общее для карамзинистов требование «учтивости» в полемике также приобретает в статье особый смысл: как и Вяземский, Жуковский и А. И. Тургенев, Перовский видит в Пушкине надежду русской словесности и требует для него корректной и благожелательной критики. Чрезвычайно интересна попытка нейтрализовать и отрицательный отзыв «увенчанного, первоклассного отечественного писателя» — И. И. Дмитриева («Я тут не вижу ни мыслей, ни чувств: вижу одну чувственность»); не бывший секретом в литературных кругах, он сделался достоянием широких читателей именно через «Скромный ответ...». Как известно отзыв Дмитриева был холодно встречен Вяземским и А. И. Тургеневым и очень задел Пушкина.⁹ Перовский, отлично осведомленный в закулисной литературной борьбе, знал, что Дмитриев, не встретив сочувствия, пошел на компромисс: в письме к Вяземскому от 18 октября 1820 г. он уже выражал сожаление, что «наши журналисты все еще не научатся критиковать учтиво», хотя по существу продолжал соглашаться с Воейковым.¹⁰ Возможно, что именно этот отзыв нашел отражение в статье Перовского как контраргумент Воейкову.

Интересно также и указание Перовского на его отдаленное знакомство с Пушкиным к моменту написания рецензии. Проверить справедливость этого утверждения мы сейчас не можем; в полемике нередки случаи, когда авторы антикритик преуменьшают свое знакомство с «подзащитным», создавая видимость полной беспристрастности.¹¹ Перовский приехал в Петербург в 1816 г., 27 декабря поступил на службу в Департамент духовных дел иностранных исповеданий под начальство А. И. Тургенева и вошел в тесный круг литераторов — участников и единомышленников Арзамаса.¹² Существуют свидетельства о вечерах у Перовских, где присутствовали А. И. Тургенев, Жуковский и др.¹³ На одном из подобных собраний в 1816-1820 гг. и могло произойти первоначальное знакомство Перовского и Пушкина, перешедшее затем в дружбу и литературное сотрудничество.

⁸ См. письмо Пушкина к Н. И. Гнедичу от 4 декабря 1820 г. (Акад., XIII, 21).

⁹ См. письмо Пушкина к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 г. (Акад., XIII, 40) и предисловие к 2-му изданию «Руслана и Людмилы» (Акад., IV, 284), где Пушкин иронически характеризует Дмитриева словами Воейкова: «Долг искренности требует также упомянуть и о мнении одного из увенчанных, первоклассных отечественных писателей, который, прочитав Руслана и Людмилу, сказал: я тут не вижу ни мыслей, ни чувства; вижу только чувственность».

¹⁰ «Старина и новизна», кн. 2, 1898, стр. 141.

¹¹ Ср. такой случай в письме Е. М. Хитрово неизвестному издателю от 22 марта 1830 г. (Ю. М. Лотман. Из истории полемики вокруг седьмой главы «Евгения Онегина». «Временник Пушкинской комиссии. 1962», Изд. АН СССР, М.-Л., 1963, стр. 55-56).

¹² Биографические сведения о Перовском см. в статье А. И. Кирпичникова «Антоний Погорельский. Эпизод из истории русского романтизма» (в его кн.: Очерки по истории новой русской литературы. СПб., 1896).

¹³ См., например, письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 10 сентября 1820 г. (Остафьевский архив кн. Вяземских, т. II, стр. 66).

ОТВЕТ НА СКРОМНЫЙ ОТВЕТ Г-НА М. К-ВА

Я читал ответ, который вам, милостивый государь, угодно называть *скромным*,¹ но *скромного* в нем ничего не нашел. Покорнейше прошу за то на меня не гневаться, я говорю это не в *осуждение* вам, а только в *предосторожность*. Откровенно признаюсь, что я сначала намерен был оставить без ответа скромную вылазку вашу на мою антикритику, но вы обнаружили свету, кто сочинитель разбора «Руслана и Людмилы», и тем поставили меня в необходимость оправдаться пред читателями С<ына> о<течества> в непростительной смелости: быть противных мыслей с членом Российской Академии, с ординарным профессором, с доктором философии, с сочинителем речей, посланий и сатир и пр. и пр. и пр. (смотри продолжение титлов и сочинений № 43-й стр. 113-я и 114-я).

Начну с того, что, не обязан будучи знать, что мистическая буква *В*, поставленная в конце разбора поэмы, заключает в себе такое множество ученых титлов, я не мог догадаться, кто сочинил сей разбор.² Даже и теперь, по прочтении вашего скромного ответа, и теперь я бы сомневался в сей неожиданной новости, если б не *вы*, милостивый государь, приняли труд меня наставить на истинный путь. Итак, сочинитель разбора есть тот самый писатель, который перевел «Енеиду» с *латинского*, проповеди с *немецкого* и «век *Людвика XIV*» с *французского*. Смотрите пожалуйста, как легко можно обмануться! Кто бы это подумал! Я, по крайней мере, судя по плоским шуткам, по странным и неосновательным привязкам, по неучтивым нападкам, полагал, что разбор ее сочинен каким-нибудь новичком, которому за долг счел пожелать более опытности, учености и учтивости! Приношу повинную голову в сей неумышленной ошибке, но, удовлетворив таким образом искреннему желанию моему снискать великодушное прощение почтеннейшего г-на *В.*, да позволено мне будет побеседовать немного с скромным защитником его.

Какая непонятная причина побудила вас, милостивый государь, обороняться от моей антикритики учеными дипломами г-на *В.*? Удивляюсь памяти вашей, украшенной столь завидными сведениями о всех ученых званиях вашего клиента, но какую связь имеют они с разбором? Если б г-н *В.* получил оные за сочинение сего разбора, то *дело ваше*, конечно, было бы *в шляпе*, вы бы тогда имели право сказать: неприлично *многоученому остроумцу-замечателю* критиковать то, что одобрено столь многими учеными сословиями, и я спорить бы с вами не стал. Но будем откровенны друг против друга, милостивый государь! Неужели думаете вы, что какое бы то ни было ученое общество согласилось бы сделать г. *В.* сочленом своим, если б он не имел иных заслуг, кроме упомянутого разбора? Весь ответ ваш, милостивый государь, основан на правилах столь же ничтожных. Что нам за дело до того, что рецензент при сочинении рецензии руководствовался иностранными журналами и Лагарпом, когда он не умел или не хотел подражать им в том, что достойно подражания. Чем же похож разбор г-на *В.* на рецензии, которые читали вы в «*Mercure de France*», «*Allgemeine Literatur Zeitung*», «*Cours de Littérature*» de la Harpe и проч.³ Плодовитостью!!! Пространные разборы Лагарпа, милостивый

¹ Здесь, как и в дальнейшем, курсивом выделены цитаты из «Скромного ответа на нескромное замечание г. К-ва» («Сын отечества», 1820, ч. 65, № 43, стр. 112-121).

² Это не соответствует действительности и является полемическим приемом (см. цитированное выше письмо А. И. Тургенева к Вяземскому). В первой антикритике Перовского содержался намек на интимные подробности жизни Воейкова, на что последний болезненно реагировал в своем ответе (см. письмо М. А. Мойер к А. П. Елагиной от 2 ноября 1820 г. — Уткинский сборник, № 1, М., 1904, стр. 247 и 248, прим.).

³ Ср.: «Г. замечателю не нравится плодовитость г. В.: что же делать? Он руководствовался при сочинении своей рецензии дурными образцами, а именно имел в виду: „*Mercure de France*“, „*Allgemeine Literatur Zeitung*“, „*Revue Encyclopédique*“, „*Cours de Littérature*“ par La Harpe и рецензии в „Вестнике Европы“ и „Северном вестнике“, помещенные» («Сын отечества», 1820, ч. 65, № 43, стр. 114-115).

государь, не тем хороши, что они пространны, — рецензии не аршинами меряются и не на весах взвешиваются, а должны иметь другие достоинства.

Спрашиваю вас, в котором из иностранных или отечественных журналов г. В. нашел, что бедные рифмы надлежит называть мужицкими, что роковой пламень *брат* дикому пламеню, что колдуны всегда бывают старые, что нельзя *сладко* дремать и проч. и проч. Из какого образца он почерпнул логический довод: что нельзя сказать мрак *немой*, *потому*, что нельзя сказать мрак *болтающий*? Сии-то ошибки вам надлежало бы оправдать, скромный мой соперник, вместо рассуждений о моих пороках и добродетелях, кои ни до литературы, ни до вас не касаются и по сей причине не заслуживают ответа.

Напрасно вы берете на себя труд перелаживать по-своему цель, которую я имел при напечатании моей антикритики. Мне никогда не приходило на мысль досадовать на рецензента за то, что он не признал стихотворение Пушкина *непогрешительным*. Я и сам не признаю его поэму безошибочною. Погрешности найти можно в писателях, которые гораздо известнее Пушкина, но разница состоит в том, что те ошибки, которые думал найти г-н В., по мнению моему и многих других, совсем не существуют. Смею утверждать даже, что увенчанный, первоклассный писатель, на свидетельство которого вы упирались, не мог одобрить разбора г-на В. в отношении к логике, к остроте и к вежливости. И я не менее «Невского зрителя»⁴ сожалею о том, что картины Пушкина слишком чувственны, но никто до г-на В. не позволял себе называть их *площадными шутками*. Вот, милостивый государь, в чем состоит моя претензия на г-на В., она весьма ясно изложена в моих замечаниях (стр. 79). Из чего же вы взяли, что я желаю, чтобы кто-нибудь, разбирая поэму Пушкина, назвал ее *училищем нравственности*? Богатая мысль сия принадлежит вам одним, государь мой, она есть ваша собственность, и я никакого не имею на нее права.

Вы, обещавшись шаг за шагом идти за антикритикою, пропустили весьма много статей моих, вероятно потому, что никакого дельного возражения не могли придумать. Изгибистое защищение новоизобретенного термина *мужицкие рифмы* нимало не оправдывает оно. Если слово *копиём* заслуживает, по вашему мнению, эпитет *грубого*, то какое название надлежит дать термину *мужицкие рифмы*, который, кроме грубости, заключает в себе совершенную бессмыслицу?

Я читал и перечитывал параграф VI ответа вашего и нимало не убедился в основательности ваших доводов. Г. В. сделал следующее *логическое (!)* предложение. Наш молодой поэт поступил очень хорошо, написав сию богатырскую повесть *стихами*, и предпочел идти по следам Ариосто и Виланда, а не *Флориана*. Хорошие судьи, истинные знатоки изящного не одобряют такого рода творений в *прозе*, *ибо прозаическая поэма есть противоречие в словах, чудовищное произведение в искусстве*.

Воля ваша, милостивый государь, а я опять повторяю то, что сказал в замечаниях. Вероятно, г. В. не знает различия между *прозаическою поэмою* и *поэмою, писанною в прозе*.

Если хорошие судьи не одобряют поэм, писанных в прозе, то конечно не *потому, что прозаическая поэма* есть чудовищное произведение в искусстве — в сем, по мнению вашему, *логическом* предложении нет ни логики, ниже смысла.⁵

В параграфе XV вы утверждаете, что стихи:

Убью... преграды все разрушу

.....

Теперь-то девица поплачет

⁴ См. статью «Замечания на поэму: Руслан и Людмила, в шести песнях, соч. А. Пушкина, 1820» («Невский зритель», 1820, № 7), где сказано: «... надобно сожалеть, что он (Пушкин, — В. В.) представляет часто такие картины, при которых невозможно не краснеть и не потуплять взоров» (стр. 78).

⁵ В первой антикритике Перовский иронически отозвался о схоластической классификации поэм, предложенной Воейковым «...он, вероятно, не знает различия между прозаическою поэмою и поэмою, писанною в прозе. Не стихи составляют отличительный характер поэзии. Напр<имер>, в поэме «Марфа Посадница» (повесть Карамзина, — В. В.), писанной в прозе, несравненно более поэзии, нежели в поэме «Искусства и науки» (поэма Воейкова, — В. В.), писанной в стихах» («Сын отечества», 1820, ч. 65, № 43, стр. 74).

оправдывают негодование г-на В. на Рогдая. Пусть так, милостивый государь! но прошу вас прочитать опять сей разбор, вы увидите, что г. В. не из сих стихов заключил, что *кровопролития* для Рогдая забава и *слезы невинных пища*. Почтенный разбиратель изъясняется именно сими словами. «Характер Рогдая изображен смелою кистью Орловского, *мрачными красками Корреджия*:

Угрюм, молчит — ни слова...
Стра<шась неведомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всех больше беспокоен он;
И часто взор его ужасный
На князя мрачно устремлен>.

Прочитав сей стих, <мы с ужасом видим перед собою одного из тех хладнокровных воинов-убийц, которые не умеют прощать, для которых кровопролитие есть забава, а слезы несчастных — пища>.

Ссылаюсь на беспристрастных читателей: справедливо ли я заметил, что в стихах сих видна одна ревность? Тут нет еще ни злодейства, ни кровопролития, ни прочих ужасов, которые пылкое воображение г-на <a> В. *видит перед собою*. Стих же:

Убью... преграды все разрушу

является в поэме Пушкина ровно 17 страниц после тех стихов, которые столь безвинно внушают ужас г-ну разбирателю. При сем случае не могу не упомянуть еще об одном обстоятельстве, которое я пропустил в своих замечаниях. Желательно знать, из каких иностранных журналов г. В. извлек определение, что Корреджио писал *мрачными красками*? Признаюсь, что впервые слышу о сем важном открытии! Как! Желая похвалить Пушкина за удачное описание *воина-убийцы, хладнокровного злодея*, г. В. сравнивает описание сие с картинами Корреджия! — Корреджия, которого одушевленная кисть оставила нам памятники, дышащие нею, легкостью и приятством, того Корреджия, прозванного живописцем граций! Вероятно, г. В. слышал о знаменитой картине, известной под названием *Ночь Корреджия*, но он не знает, что картина сия ни с какой стороны не может быть названа мрачною: она, напротив, изображает радостнейшее событие для всего человеческого рода; она отличается именно чудесным расположением света! Художники настоящего и времен будущих, если (от чего да избавит вас Бог) дойдет до вас разбор г-на В., не дерзайте смеяться над неудачным сим сравнением; вам представят длинную опись всех его титулов, сочинений и переводов — и вы будете виноваты.⁶

Остается теперь, скромный защитник вежливого разбирателя, поговорить с вами о неучтивостях, которые столь строго на мне вы взыскиваете, тогда когда в г-не В. они вам кажутся приятны. Дружба, милостивый государь, есть чувство достойное уважения, я уважаю чувство сие и в вас, но не могу не заметить, что оно делает вас слишком пристрастным. Неужели, не шутя, вы требуете, чтоб я неловкие шутки г-на В. принимал за острые слова! Неужели вы думаете, что дипломы вашего друга дают ему право говорить нелепости, которые тем непростительнее, что они истекают из пера ординарного профессора и доктора философии и пр. и пр. Примите, милостивый государь, в заключение сего последнего *письменного* ответа откровенное изложение мыслей моих о поэме Пушкина и о разборе оной.

Я уважаю талант юного поэта нашего (с которым я *почти незнаком лично*). Я думаю, что никто еще из наших соотечественников в *таких* молодых летах не подавал *такой* надежды

⁶ Перовский ссылается на картину Корреджио (Антонио Аллегри, 1494-1518) «Рождество», или «Ночь» (ныне в Дрезденской галлерее). Ошибка Воейкова («мрачные краски Корреджио») была вопиющей на фоне всеобщих оценок Корреджио как мастера со светлым гармоничным колоритом (ср., например, отзывы Руссо, применявшего к Корреджио эпитет «*peintre de grâce*»).

на будущее время, как он. Потому-то весьма бы было *полезно для Пушкина* и *занимательно* для читателей его, если б нашелся критик, который, устранившись от самолюбия, не выдавал бы плоские свои насмешки за остроумные изречения, неосновательные суждения за логические доводы и ученые дипломы за привилегии быть невежливым!

Впрочем, долгом считаю объявить, что личности я не имею никакой ни против г-на В., ни даже против вас!